

КОГДА я прихожу в этот дом, то сразу же, даже не с порога рабочего кабинета артиста, а с деревянной крутой лестницы, ведущей из прихожей наверх, попадаю в его творческую лабораторию и отсюда слышу, как Буш проигрывает свои новые записи, делает пробы, распевается. Он очень приветлив и добр, к советским людям у него особенно уважительное отношение, но все-таки в первые минуты он общается с тобой, не прекращая очередной утренней работы.

Буш продолжает ходить по просторному кабинету, где повсюду лежат ноты, стихи, пластинки, ролики с пленкой, новые книги и старые, пожелтевшие манускрипты. Он может пропеть, попробовать на новый лад какое-то слово или строчку, может обратиться к тебе с совершенно неожиданным вопросом. И ты понимаешь, что удостоен самого высшего доверия: ты соучастник его работы, ты допущен в святая святых, в тайны рождающегося замысла. И ты с некоторой робостью чувствуешь: тебе будут благодарны, если ты проявишь себя не пошлым, льстивым «почитателем», а достойным оппонентом.

Вот он встал у открытого рояля, чтобы спеть тебе. Не по твоей просьбе — сам. Не потому, что ты большой знаток, а потому, что ты — рядовой слушатель. Рабочие руки — в карманах вельветовых брюк, фланелевая рубашка без галстука, все та же стойка задиристого рабочего парня, «кильской шпротинны», как он сам себя иногда называет.

Буш родился в Киле, в приморском городе, которому суждено было играть особую роль в германской ноябрьской револю-

званы улицы и площади неподалеку от его дома.

...Сегодня я пришел в дом Эрнста Буша по поручению «Недели». Я поздравляю его с присуждением международной Ленинской премии.

Хозяин радушно усаживает меня. Неугомонный Буш затеял колоссальное дело: отразить хронологически в лучших песнях, балладах и стихотворениях почти всю историю немецкого рабочего движения. Он показывает глазами на репродуктор: мол,

саван тебе мы ткем! Вовеки проклятье тройное на нем! Мы ткем тебе саван!»

Может быть, это и есть повод, чтобы начать разговор с Бушем и получить таким образом ответ на вопрос «Недели»: «Какое место занимает в Вашей жизни Страна Советов?» Пожалуй!

— Я был подростком, — рассказывает Эрнст Буш, — когда к нам в Киль пригнали около тысячи русских военнопленных. Это были рабочие парни — совсем такие же, как мы. Их заставляли работать на верфях вместе с немцами, но общаться с ними запрещалось. А я не так был воспитан отцом, чтобы следовать полицейским запретам.

Когда правые социал-демократы проголосовали за военные кредиты, сиречь за войну, отец мой тут же вышел из партии, «Это не наша партия, сынок», — сказал он мне. Его призвали, дали ружье, послали в Россию воевать. «Я буду держать ружье к ноге, сынок», — сказал мне отец, уезжая на фронт. — Ни русские рабочие, ни французские не сделали мне ничего плохого. Такое я получил от отца воспитание, и потому плавать я хотел на полицейские запреты. Кормил русских парней хлебом и картошкой, распевал с ними русские и немецкие песни, беседовал с ними о будущей революции. И революция пришла — сначала в Россию, потом к нам в Германию.

Между прочим, наш Киль был одним из первых немецких городов, где власть в свои руки взяли рабочие и матросы.

У вас в России уже была коммунистическая партия, и рабочий класс в союзе с крестьянством под ее руководством

ских частях и на радиостанции «Коминтерн», сразу запели по всей стране. «Заводы, вставайте, шеренги смыкайте», «Болотные солдаты», «Песню солидарности» можно было часами слушать на партийных собраниях, на комсомольских слетах, у пионерских костров.

Три эпизода особенно бережно хранит его богатая память.

С большой любовью и уважением встречали повсюду своего коллегу советские артисты. Но особенно подружился с Бушем знаменитый В. И. Качалов. Осенью 1936 года они вместе записали пластинку, два уникальных голоса — певца Буша и чтеца Качалова. Дуэт немца и русского был посвящен героической борьбе испанского народа, принявшего на себя первый удар вооруженного фашизма. Эта пластинка теперь — величайшая редкость. Она хранится в кабинете у Эрнста Буша вместе с подаренными книгами советских писателей, рисунками Сергея Эйзенштейна, фотографией Бориса Щукина в роли Ленина.

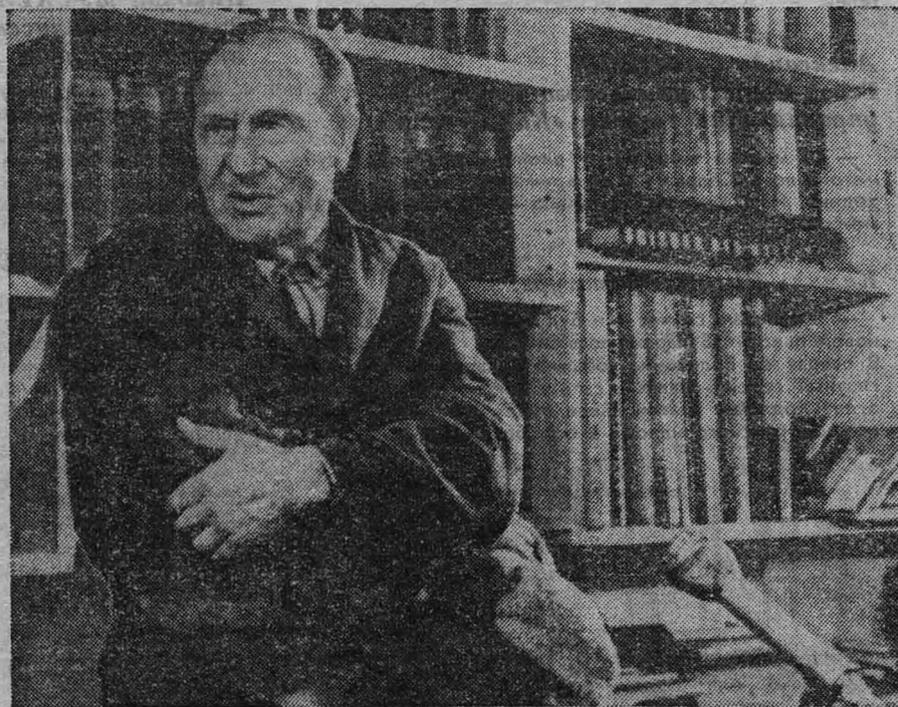
Второй эпизод связан с замечательной песней Исаака Дунаевского «Широка страна моя родная». Эрнст Буш услышал ее на заключительных съемках фильма «Цирк» и сразу же загорелся желанием спеть ее на сцене. Однако авторы фильма не захотели, чтобы песня появилась раньше кинокартины.

Вместе с Эрихом Вайнертом, который тоже жил тогда в Москве, они сделали немецкий текст «Песни о Родине», и Буш спел ее в студии радиостанции «Коминтерн». Тысячи подпольщиков-антифашистов в Европе, знавшие голос Буша, слушали песни из Москвы со слезами на гла-

СТРАНА СОВЕТОВ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ

МОИ ДРУЗЬЯ ЖИВУТ В МОСКВЕ...

Интервью с Эрнстом БУШЕМ, лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», выдающимся деятелем искусств Германской Демократической Республики

ци. И это, вероятно, имело значение для его последующей биографии. Родился он в январе, что стало постоянным поводом для биографов Буша, называющих его обычно «ровесником века». Но разве мало их еще, календарных ровесников века, которые сегодня — безнадежные старики! А Буша стариком не назовешь. Он — ровесник нашему молодеющему веку и сегодня. Он всегда шел с нами в ногу и даже, пожалуй, чуть впереди.

Теперь я знаю, как и сколько он работает, и часто думаю с изумлением: писать книги, научные статьи, быть даже государственным деятелем в 72 года не так уж удивительно. Но петь?! Петь в 72?! И как петь! И сколько петь!

Он поет каждый день, как птица, с утра. И не просто распевает приятные легкие вокализы, как это делают престарелые солисты. Его песни мощны по звучанию, густо насыщены эмоциями, идеями, страстью борьбы. В них — гнев, боль, набат. Они воскрешают целые эпохи, восстания, революции, они звучат так, словно седой обладатель редкого голоса стоит перед огромной толпой в сто тысяч человек.

А этому утреннему пению предшествует другая, более многогранная работа — работа историка, литературоведа, редактора, поэта, композитора. Давно уже их нет в живых, его славных и талантливых соратников, с которыми он создавал песенную классику немецкого пролетариата, — поэтов Бертольта Брехта и Эриха Вайнерта, композитора Ганса Эйслера. Их именами на-

ты только послушай — есть кое-что! Из репродуктора вырывается надорванное песнопение Крестьянской войны 1525 года. Загнанные до хрипа, возбужденные крестьяне грозят князьям навозными вилами, обещают духовному феодалу подпустить под монастырскую крышу «красного петуха».

Казалось бы, без всякой к тому связи хозяин протягивает мне раскрытую книгу Михаила Кольцова, тычет пальцем в какие-то строчки. Ласково улыбается. Я читаю сатирические зарисовки — и, кажется, улавливаю связь между навозными вилами и падением династии Гогенцоллернов.

Буш перевертывает пластинку, вместо обычного музыкального аккомпанемента ритмично постукивает старинный ткацкий станок. На его фоне Буш поет песню-проклятье на знаменитое стихотворение Генриха Гейне «Силезские ткачи». Она написана поэтом вскоре после жестокого подавления восстания ткачей по совету его великого друга Карла Маркса: «Германия,

победил. У нас в Германии партии коммунистов еще не было, она только зародилась в дни ноябрьской революции, потому мы не могли одержать полную победу: только свергли Гогенцоллернов.

Вместе с другими немецкими рабочими я участвовал в движении солидарности «Руки прочь от Советской России!» Мы проводили сбор средств для голодающих русских братьев в годы интервенции и разрухи. С рождением на земле Страны Советов связаны и мои первые интернациональные песни. Между прочим, я был тогда руководителем районного комитета «Социалистической рабочей молодежи». Потом вступил в Коммунистическую партию Германии.

Эрнст Буш вспоминает о том, как дошла до Германии весть о смерти Владимира Ильича Ленина. Рабочий класс Германии воспринял ее как свое неугасимое горе. Траурные митинги, черные повязки на рукавах спецовок, хриплые фабричные гудки. Буш читал тогда стихи Эриха Мюсама на смерть Ленина. Потом, позднее, он читал перед рабочими стихи о Ленине, написанные Владимиром Маяковским.

С теплым чувством рассказывает Буш о своей поездке в Советский Союз в 1935 году. Москвичи его встретили восторженно. Он уже был известен в нашей стране. У него вдруг обнаружилось много настоящих друзей среди советских писателей, музыкантов, артистов. Песни, с которыми он выступал тогда в Колонном зале, в воин-

зах, с великой надеждой на страну Ленина.

— Конечно, я очень горжусь, — говорит певец, — что первым спел тогда по радио эту бессмертную песню.

Третий эпизод связан с отъездом Буша в сражающуюся Испанию. Это было непозволительно: проехать через Европу без документов, тем более человеку известному, за которым охотилось гестапо. Помогли друзья: Михаил Кольцов и М. Остен. Они же помогли Бушу записать в Барселоне цикл пластинок с песнями интернациональных бригад.

— Если бы не советские друзья, — говорит Буш, — этого цикла теперь не было бы. Интернационалисты из разных стран увезли пластинки к себе на родину. Теперь в мире перепечатанных пластинок с испанским циклом — миллионы.

Хозяин показывает мне одну из подлинных «испанских пластинок», край у нее отбит. Технически она выполнена далеко не совершенно.

— Что ж удивительного, — замечает Буш. — Записывали в подвале, во время боя. Если вы вслушаетесь, то услышите орудейные разрывы.

Орудийные разрывы гражданской войны в Испании...

А он вспоминает дальше:

— Когда я приехал в Испанию, то командир Луиджи Лонго спросил, умею ли я стрелять (я, кстати, умел). «Разве, — сказал он, — нам нужны сейчас певцы? Нам нужны люди, которые умеют стрелять». Что ж, я и стрелял, и пел. Потом, спустя